

III. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СЛОВЕСНЫХ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ НА ПОРОГЕ XXI В.*

Публикация материалов конференции, прошедшей в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова в мае 1997 г., содержит более восьмидесяти докладов ученых из разных городов России, стран СНГ, а также Польши, Великобритании, США, Германии, Болгарии, Югославии. Материалы сборника охватывают основные темы пленарных и секционных заседаний конференции. Тексты докладов свидетельствуют, что разговоры о кризисе (естественные в переломные эпохи развития общественной и научной мысли), а также о “паузе” в литературоведении не имеют в настоящее время серьезных оснований (с.3).

В разделе “Общие вопросы литературоведения, место в системе гуманитарных знаний. Состав, методы, пути развития” помещено более двадцати докладов. П.А.Николаев в докладе “Итоги развития отечественного литературоведения” отмечает, что в XX в. общая теория искусств и литературоведение подчинялись методике естественно-научных дисциплин. “Столь же активно и многообразно дифференцируясь, как и естествознание, науки о художественной культуре образовали яркие продуктивные школы: формальную, структуралистскую и иные, объединенные общими семиотическими предпосылками” (с.5). Исследователю предлагается, пишет далее П.А. Николаев, использовать любой инструментарий анализа: идеи феноменологии, герменевтики, рецептивной эстетики, теории информации, структурной лингвистики, философской антропологии. Мировое науковедение пришло к выводу, что на рубеже XX и XXI вв. приоритетными станут гуманитарные науки, как это всегда было в переломные эпохи.

* Литературоведение на пороге XXI века: Материалы междунар. научной конференции. – М., 1998. – 504 с.

Л.Г. Андреев в статье “Литература конца XX века и современное литературоведение” пишет, что, “осмысляя задачи литературоведения, невозможно отвлечься от национальных традиций, от привычной ориентации российского общественного сознания на социальную роль и гражданскую функцию литературы и ее интерпретации” (с.19). Уже в силу одного этого, продолжает Л.Г.Андреев, невозможно свести литературоведение “к ответвлению абстрактной философской эстетики или же сузить его место рамками университетских семинаров” (там же).

Говоря о культурологическом парадоксе XIX–XX вв., В.М. Толмачев напоминает о рассуждениях на тему о том, когда же начинался XX в., самых разных писателей. Так, Анна Ахматова, например, ассоциировала приближение “настоящего XX века” с 1913 г. В 1945 г. Ахматова обронила замечание о том, что XIX в. кончился в 1945 г. В.М. Толмачев убежден, что XIX в. физически существовал до той поры, пока были живы люди, родившиеся примерно до 1910 г. и обнаруживавшие свою “принадлежность к другому историческому зону” (с.30). Все же литературные достижения XX в., по мнению В.М. Толмачева, “состоялись вопреки современности и являются продолжением культурного сознания XIX в.” (с.33).

В.Е.Хализев в статье “Культурология в ее значимости для современного литературоведения” утверждает, что в суждениях о культуре следует опираться на представления нравственной философии. Между тем эта ветвь культурологии ныне не привлекает к себе достаточного внимания. Автор напоминает высказывание Й.Хейзинги о том, что “культура сможет называться высокой, даже если она не создала техники или скульптуры, но ее так не назовут, если ей не хватает милосердия” (цит. по: с.39).

И.П.Ильин в статье “Проблема взаимоотношения постмодернизма с поздним модернизмом в современном литературоведении” рассматривает понятие “поздний модернизм”, которое в терминологическом смысле начало употребляться лишь в 1980 г. Выделение “позднего модернизма” в виде отдельного поднаправления, считает автор, “может послужить неплохой рабочей гипотезой для более научно-корректного определения тех явлений искусства, которые давно в отечественной науке о литературе назывались неоавангардистскими течениями 1950–1960-х годов” (с.46). Один из теоретиков постмодернизма Михаэль Кёлер датирует возникновение постмодернизма началом 70-х годов и противопоставляет постмодернизм и модернизм “позднему модернизму”.

В статье “Литературоведение конца XX века: новое обращение к проблеме художественной прогностики” И.М.Дубровина пишет, что истинная прорицательная сила искусства основана на художественном анализе самой действительности, а не на лакировочном утверждении “светлого будущего”. Прогностическая образность, провидческий дар, по мнению автора статьи, был у Достоевского, Андрея Платонова, Иосифа Бродского. “Современная эстетика, прошедшая “школу” постмодернизма, только начинает после перерыва возвращаться к проблемам художественной прогностики” (с.53). Одной из таких работ И.М.Дубровина считает статью Михаила Эпштейна “Прото-, или Конец постмодернизма”¹.

Итоги изучения романа подводит А.Я. Эсалнек в одноименной статье. “Находясь на пороге XXI в. и имея за плечами богатый исследовательский опыт, нельзя утверждать, что найдено более или менее окончательное и бесспорное определение романа”, пишет исследовательница и заявляет, что об итогах тем не менее говорить можно и нужно (с.78). Для того чтобы осознать итоги века, А.Я. Эсалнек предлагает взять период последних пятидесяти лет. Обобщая идеи, высказанные в многочисленных работах, исследовательница выделяет наиболее значимые из них. Сверхзадачей романа является интерес к личности и к окружающему ее миру, к среде. Дифференцированный подход к изображению персонажей, психологизм, ощущение ценностей значимости позиции героев, лимитированность пространственно-временных рамок повествования, тяготение к определенному виду сюжета – таковы основные взаимосвязанные и взаимозависимые признаки романной ситуации в литературе второй половины XX в.

Говоря о постмодернистском литературоведении, Т.Н. Белова утверждает, что произведениям писателя-постмодерниста В.В.Набокова свойствен “неразрывный сплав литературно-художественной и литературно-критической мысли” (с.109). Такие романы, как “Дар”, “Истинная жизнь Себастьяна Найта”, “Ада” и др., зачастую включают рассуждения героев о тех или иных произведениях художественной литературы, а также многочисленные отзывы на вымышленные, несуществующие произведения. Эти вымышленные отзывы, как пишет Вик. Ерофеев в статье о русском метаромане Набокова, выглядят “пародией на литературно-критический жанр не потому, что они

¹ Эпштейн М. Прото-, или Конец постмодернизма// Знамя. – М., 1996. – № 3. – С.196-209.

шаржированы, а потому, что они правдоподобны” (цит. по: с.10). Рассмотрев образцы постмодернистской критической мысли (Г.Бэкман, Э.Моссман), автор статьи приходит к выводу, что “представители данного критического направления ориентируют вдумчивого читателя на новое, более независимое, свободное и современное прочтение известных шедевров мировой литературы” (с.115).

Т.Н.Красавченко в статье “Магия консерватизма в английской литературе” рассказывает о “модели” литературоведения, сложившейся в Англии, где родилась “новая критика”, т.е. англоязычное формальное литературоведение. “Имперсональная” теория Т.С. Элиота, принципы мифолого-антропологического и психологического анализа Р.Грейвза, герменевтика, историко-функциональный подход к литературе К.С.Льюиса – “во всех этих методах, теориях не было ничего чуждого английской органике” (с.130).

Одним из самых острых вопросов в английском литературоведении конца XX в. был вопрос: существует ли реальная потребность в литературной теории? Спор между архаистами и новаторами, пишет Т.Н.Красавченко, “это более существенный спор об основополагающих основах английской культуры, уходящей корнями в конец XVIII в., когда в работе английского философа Эдмунда Бёрка “Размышление о революции во Франции” (1790) нашел выражение консерватизм, как осознанное течение в современном смысле слова” (с.132).

Раздел “Поэтика: понятия и термины” содержит пятнадцать докладов. Л.П. Чернец в статье “Об отечественных словарях по литературоведческой терминологии” напоминает, что начало традиции составления словарей по терминологии литературоведения было положено в России трудом Н.Ф.Остолопова “Словарь древней и новой поэзии” (1821), который долгое время считался “точкой отсчета в данном жанровом ряду” (с.149). Вышедшую в 1925 г. “Литературную энциклопедию. Словарь литературных терминов” в 2-х томах, как полагает автор статьи, “полезно читать и сегодня” (с.151). Спустя десятилетия после этой энциклопедии вышли в свет “Поэтический словарь” А.Квятковского (1966), “Словарь литературоведческих терминов” (1974) и “Литературный энциклопедический словарь” (1987). Последний из них “наиболее полно отразил плюрализм методов в литературоведении: не только в его прошлом, но и в настоящем” (с.156).

В статье “Категория интертекстуальности в современном литературоведении” Н.Г. Владимирова напоминает, что этот термин не имеет единого определения, хотя получил широкое распространение в

современном литературоведении на Западе. В общем значении термин “интертекстуальность” подразумевает наличие межтекстовых связей, но содержание этого термина зависит от определения понятия “текст”. Если назвать текстом любое речевое высказывание, а не только высказывание, письменно зафиксированное, то и “бродячие” сюжеты, и античную драму можно будет считать древнейшими проявлениями интертекстуальности.

Прямо или косвенно категорию интертекстуальности включает и проблема “литературности литературы” (с. 185). Концепция диалогизма М.М.Бахтина гласит: “Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту...” (цит. по: с.185). Еще одна линия в разработке этой проблемы связана с изучением конкретных форм и функций интертекстуальности в художественном произведении. Хотя теоретически к наиболее разработанным формам интертекстуальности относится учение об аллюзии (т.е. обращение к приемам корифеев мировой литературы), “она до настоящего времени не получила окончательного терминологического определения” (с.187).

Е.Н. Себина в статье “Категория “описание” в литературоведении XX века” напоминает, что у этой категории очень богатая история. Еще в словаре Н.Ф. Остолопова “описание” понималось очень широко и связывалось с изображением предметов, их внешнего вида и внутренних качеств. В XX в. очевидна преемственность в содержании этого понятия. Б.В.Томашевский называл элементами новеллы повествование и описание. “А.И. Белецкий полагал, что “колорит эпохи” воссоздается в литературе “живописанием словом” (с.202). В.Шкловский и Б.Эйхенбаум с особенной тщательностью рассматривали, *как* сделано произведение, какие детали, нюансы и подробности “выстреливают или не выстреливают по воле автора” (цит. по: с.204). Почти весь круг “описательных проблем” связан со сложной пластикой словесного образа, с изобразительной способностью слова, заключает Е.Н.Себина.

В статье “Понятие “массовая литература” в современном литературоведении” Н.Г.Мельников рассматривает одну из интереснейших историко-культурных проблем. Это словосочетание – “массовая литература” – активно используется литературоведами и критиками, но до сих пор не может претендовать на статус строго научного термина. В.М.Жирмунский сближал понятия “массовая литература” и “эпигонство”. В концепции Ю.М.Лотмана понятие “массовая литература” остается “размытым” (с.230). В некоторых литературоведческих изданиях “массовая литература” обозначает ценностный “низ”. Однако литературный “верх” и “низ” – величины изменчивые, порой

меняющиеся местами. Эта ситуация особенно характерна для искусства XX в., отличающегося “тенденциозным подходом к литературе предшествующих эпох, сбрасыванием с пресловутого “парохода современности” тех или иных классиков” (с.231). Автор статьи рассматривает “массовую литературу” как социокультурный феномен XX в., считая, что осмысление функционирования “массовой литературы”, изучение ее взаимодействия с литературой “первого ряда” – актуальная задача современного литературоведения.

В разделе, посвященном понятиям и терминам поэтики, печатаются доклады о феномене философской прозы, о понятии маски, герменевтике жанра, проблеме трагического и проблеме беллетристики, а также доклад о теории русского стиха.

В докладе “Теория русского стиха: итоги и перспективы изучения” М.И. Шапир приводит слова М.Л. Гаспарова о больших успехах русского стиховедения. Однако, полагает автор, эта оценка относится к истории стиха. Что касается теории стиха, то здесь можно сказать, что таковой как единой отрасли научного знания до сих пор не существует. Отдельные теоретико-стиховедческие работы не исправляют положения. Наша наука располагает пока лишь одной монографией на эту тему, причем монографией устаревшей. Речь идет о книге Л.И.Тимофеева “Теория стиха”. “Самое яркое свидетельство зачаточного состояния теории стиха состоит в том, что почти невозможно отыскать два учебника, два словаря, чтобы в них давалось тождественное определение одному и тому же стиховедческому понятию, хотя бы самому простому, такому как рифма или строфа” (с.237).

Раздел “Проблемы русской литературы и фольклора в современном литературоведении. Литературоведение русского зарубежья” открывается докладом известного фольклориста В.П.Аникина “Пути и пути фольклористики в XX веке”. Фольклористика, пишет В.П.Аникин, долгое время находилась под опекой сравнительно-исторического языкознания, затем она оказалась в лоне историко-культурного направления, характерного для наук гуманитарного цикла. А.Н.Веселовский заложил основы “метода типологических разысканий с отчетливым стремлением к числовым филологическим трактовкам в области изучения поэтики и стиля” (с.243). С течением времени фольклористика становилась частью общего народоведения, а изучение фольклора стало рассматриваться в ключе литературоведческих представлений.

Однако при отождествлении фольклора с литературой устранялась мысль о специфике фольклора, в результате чего к началу 50-х годов

XX в. обострилось ощущение тупика, в который зашла наука о фольклоре. В конце 50-х – начале 60-х годов на фольклористику “обрушилась волна структуралистического языкознания” (с.245). Аналогия заключалась в переносе научных методов из лингвистики в фольклористику, отчего последняя вошла в полосу неизменных натяжек, просчетов, прямых ошибок. “В наступившее постструктуралистическое время фольклористика по примеру других наук гуманитарного цикла вернулась к историко-культурным трактовкам” (с.248).

О литературоведении русского зарубежья в сборнике опубликовано всего три доклада: В.В.Сорокиной “Русское зарубежное литературоведение 20–30-х годов”, Л.Н.Целковой “Литературоведческие концепции В.Набокова” и В.В.Прозорова “Николай Иванович Ульянов – литературовед русского зарубежья”.

В.В. Сорокина называет имена Вл.Ильина, Д.Чижевского, Г.П.Струве, К.В.Мочульского, Р.Якобсона, М.Слонима, А.З.Штейнберга, А.Бёма, Ю.Айхенвальда, В.А.Францева и др., приходя к закономерному выводу, что “деятельность русских литературоведов за рубежом способствовала широкому распространению на Западе интереса к русской литературе” (с.314).

Литературоведческие концепции Владимира Набокова рассмотрены в статье Л.Н. Целковой на материале лекций писателя. Написав 2000 страниц, В.Набоков читал их потом на протяжении 18 лет в разных университетах Америки. Автор статьи сравнивает лекции В.Набокова с “Силуэтами русских писателей” Ю.Айхенвальда, хотя и напоминает, что сам В.Набоков отвергал литературоведческий метод “копания в драгоценных биографиях великих писателей” (с.321). Исследовательница стремится доказать, что, выступая против биографического метода, В.Набоков в своих лекциях по русской литературе сам же и пользовался этим методом. В.В.Прозоров вводит в широкий научный обиход имя эмигрантского литературоведа Николая Ивановича Ульянова (1904–1985), рассказывает о его книгах и статьях о Ремизове, Ходасевиче, Марке Алданове, Борисе Зайцеве и других писателях русского зарубежья и о великих классиках русской литературы. “Собственная исследовательская манера Ульянова – органичный сплав доказательно-аналитического и интуитивно-эмоционального начал” (с.327).

Последние два раздела реферируемого сборника посвящены зарубежной русистике и отдельным проблемам творчества ряда русских и зарубежных писателей.

И.Л.Галинская